

РОССИЙСКИЙ УЧЕНЫЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ СУДЕ ООН¹

(К 75-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного
деятели науки РФ В. С. Верещетина)²
© 2007 г. С. М. Пунжин³, Н. Вайлс⁴

В. С. Верещетин был избран членом Международного Суда ООН 26 января 1995 г., а 1 февраля того же года на заседании в процессе слушаний по делу о *Восточном Тиморе (Португалия против Австралии)*, он сделал торжественное заявление, предусмотренное ст. 20 Статута как условие для вступления в должность вновь избранных судей. Он был переизбран на второй срок, начавшийся 6 февраля 1997 г. и закончившийся 5 февраля 2006 г.

1. Научная и профессиональная деятельность до избрания в Суд

Вся научная и профессиональная деятельность Владлена Степановича Верещетина до избрания в Суд была связана с международным правом. В 1954 г. он закончил с отличием факультет международного права Московского института международных отношений и продолжил там же обучение в аспирантуре. Его учителями были проф. С. Б. Крылов (первый советский судья в Международном Суде) и проф. В. Н. Дурденевский. Защитив кандидатскую диссертацию, В. С. Верещетин в 1957 г. начал профессиональную деятельность в Президиуме Академии наук СССР. В 1967 г. он назначен первым вице-председателем и правовым советником Интеркосмоса (Совет Академии наук по международному сотрудничеству в области исследования и использования космического пространства). С 1981 по 1995 г. В. С. Верещетин занимал пост заместителя директора и руководителя отдела международного и зарубежного права Института государства и права Академии наук. В 1979 - 1990 гг. он участвовал в работе Комитета ООН по мирному использованию космического пространства и его правового подкомитета.

В 1992 г. В. С. Верещетин избран членом Комиссии международного права и в 1994 г. стал ее председателем, оставаясь на этом посту до избрания в Международный Суд в 1995 г.

Одновременно В. С. Верещетин продолжал научную и преподавательскую деятельность. В России и других странах им опубликовано более 150 работ по вопросам международного права; он преподавал в университетах и институтах России, Греции, Италии, Соединенных Штатов Америки и Нидерландов; выступал на многочисленных международных симпозиумах и конференциях. Большой объем научных публикаций В. С. Верещетина не позволяет проанализировать их в одной короткой статье. Тем не менее, три направления его исследований заслуживают особого внимания: международное морское право, международное космическое право и теория международного права.

Международное морское право

Академические интересы В. С. Верещетина всегда отражали наиболее актуальные элементы развития международного права. Его исследования в области морского права в середине и конце 50-х годов совпали по времени с подготовкой I Конференции по морскому праву, состоявшейся в Женеве в 1958 г. Первой крупной публикацией В. С. Верещетина была монография "Свобода судоходства в открытом море", вышедшая в Москве в 1958 г. Глубина понимания проблем морского права оказалась как нельзя к месту, когда он как член Международного Суда участвовал в решении дела "Испания против Канады",

¹ Пунжин С.М., Вайлс Н. Российский ученый в Международном Суде ООН // Государство и право, № 4, Апрель 2007, С. 47-55 Постоянный адрес статьи <http://www.ebiblioteka.ru/browse/doc/12012794>

² Настоящая статья представляет собой сокращенный перевод с английской статьи, помещенной в Лейденском журнале международного права (Leiden Journal of International Law, 19 - 3 (2006). P. 719 - 740). Публикуется с разрешения Фонда Лейденского журнала международного права. Взгляды и мнения, изложенные в статье, представляют исключительно точку зрения авторов и не обязательно отражают позицию учреждения, сотрудниками которого они являются.

³ Сотрудник Правового департамента Секретариата Международного Суда ООН, кандидат юридических наук.

⁴ Сотрудник Правового департамента Секретариата Международного Суда ООН

касавшегося юрисдикции в отношении рыболовства, и дела "Катар против Бахрейна", касавшегося делимитации морской границы и территориальных вопросов между Катаром и Бахрейном.

Космическое право

С началом космической эры фокус научных изысканий В. С. Верещетина переместился с морского права на космическое. Он был самым тесным образом вовлечен в космическую программу

Советского Союза, в особенности в том, что касается создания правовых рамок изучения и использования космоса. Подходя к решению проблем и как специалист-практик, и как ученый, В. С. Верещетин провел исследования по ряду теоретических и практических проблем международного и национального космического права, включая взаимоотношение между международным космическим правом и национальным правом, роль государственного суверенитета в космическом праве, обычай как источник международного космического права, правовые аспекты военного использования космоса и др. Его основная монография по космическому праву посвящена правовым основам и организационной структуре международного сотрудничества в космосе⁵. На эту же тему им была написана диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук, которую он успешно защитил в Институте государства и права в 1976 г.

В. С. Верещетин принимал участие в разработке целого ряда двусторонних и многосторонних договоров в отношении космоса и различных документов ООН, сформировавших основу этой новой отрасли международного права. Его правовой опыт оказался востребованным и в контексте крупных международных космических проектов, таких как исторический полет советских и американских космонавтов на кораблях "Союз" и "Аполлон" в июле 1975 г. и международные полеты на советской космической станции "Мир".

Уже будучи членом Международного Суда, судья Верещетин сохранил интерес к проблематике космического права, определяя на протяжении ряда лет совместно с некоторыми другими членами Суда победителей в учебных судебных процессах по космическому праву, участвуя в работе Международного института космического права в Париже⁶ и Международного института воздушного и космического права Лейденского университета. В своих публикациях В. С. Верещетин акцентировал роль, которую может играть Международный Суд в разрешении споров в сфере космического права.

Теория международного права

Начало перестройки в Советском Союзе и окончание "холодной войны" сделали возможным переоценку некоторых элементов советской доктрины международного права, перегруженной идеологическим содержанием. В этой связи трудно переоценить значение работ В. С. Верещетина для становления новых подходов российской международно-правовой доктрины с учетом реальных процессов, происходящих в мировом сообществе. Вместе с другими сотрудниками Института государства и права⁷ он с новых позиций рассматривал роль международного права в современном взаимозависимом мире, продвигая идею примата международного права в мировой политике и определяя международное право как демократическую нормативную систему, основывающуюся на общечеловеческих ценностях⁸. Отстаивая неприемлемость двойных стандартов для применения международного права, В. С. Верещетин с коллегами квалифицировали использование вооруженной силы против других государств "с целью навязывания идеалов или ценностей"

⁵ См.: *Верещетин В. С.* Международное сотрудничество в космосе (Правовые вопросы). М., 1977.

⁶ Он является почетным директором Института.

⁷ В частности, с Р. А. Мюллерсоном и Г. М. Даниленко. См.: *Vereshchetin V. S., Mullerson R. A.* The Primacy of International Law in World Politics // *Perestroika and International Law - Current Anglo-Soviet Approaches to International Law*, edited by Carty and G. Danilenko. Edinburgh, 1990. P. 7.

⁸ См.: *Vereshchetin V. S., Mullerson R. A.*, International Law in an Interdependent World // *Columbia Journal of Transnational Law*. 1990. Vol. 28. No. 1. P. 295.

как грубое нарушение международного права (примечательно, что спустя более 15 лет эти слова звучат еще более актуально, чем в начале 90-х). Он также последовательно призывал к созданию и развитию эффективных институциональных механизмов и процедур, способных обеспечить соблюдение государствами общепризнанных правил поведения в интересах мирового сообщества, что по-прежнему имеет первостепенную важность для повышения эффективности международного права. Нельзя не заметить, что все вышеизложенные идеи⁹ имели не только локальное российское значение, но и стали существенным вкладом в доктрину международного права в целом.

Взгляды В. С. Верещетина на конституционную реформу в Советском Союзе и затем в России, на соотношение международного и национального права также отражали новое понимание роли международного права. В 1990 г. в статье, подготовленной совместно с коллегами, он предложил закрепить в качестве конституционного принцип примата и прямого применения норм международного права во внутреннем правопорядке и включить в корпус норм международного права, имеющих прямое применение на территории СССР, не только договорные нормы, которые требуют формального и прямо выраженного согласия государства, но и "общепризнанные принципы и нормы международного права", т. е. обычные нормы¹⁰. Идеи, теоретические концепции и редакционные формулировки, содержащиеся в статье 1990 г., впоследствии получили отражение в Конституции Российской Федерации 1993 г.

В 90-х годах В. С. Верещетин выдвинул концепцию "общего правового поля", которое включало бы различные правовые феномены, влияющие друг на друга как на национальном, так и на международном уровнях¹¹. Свидетельство существованию такого поля он видел в появлении функциональных правовых систем, которые не ограничены рамками только национального или только международного права: космическое право, право телекоммуникаций, право окружающей среды и в значительной степени морское право и воздушное право. Каждая из этих функциональных систем связана с определенной областью человеческой деятельности, которая имеет как международные, так и национальные аспекты и, таким образом, может быть правильно понята и регламентирована только во взаимодействии соответствующих норм в рамках "общего правового поля". Европейское право, которое нельзя квалифицировать ни как международное, ни как национальное, представляет собой пример территориального "общего правового поля".

Идея "общего правового поля" обладает значительным потенциалом на будущее и, без сомнения, найдет своих последователей, которые смогут оценить ее и применить в качестве инструмента, открывающего новые пути развития теории международного права и общей теории права.

2. Судья Международного Суда ООН

Годы работы В. С. Верещетина в качестве члена Международного Суда ООН (1995 - 2006) совпали с самым напряженным периодом в деятельности Суда за всю историю его существования. Это нашло выражение как в количестве дел, находившихся на его рассмотрении, так и в их сложности и большом политико-правовом значении. Достаточно упомянуть, что в этот период Суд вынес консультативные заключения *о правомерности угрозы ядерным оружием или его применения*¹² и *о правовых последствиях строительства стены на оккупированной палестинской территории*,¹³ принял решение по делу о

⁹ Впервые они были изложены в двух статьях: *Верещетин В. С., Мюллерсон Р. А.* Новое мышление и международное право // Сов. гос. и право. 1988. N 3. С. 3 - 9; *Верещетин В. С., Мюллерсон Р. А.* Примат международного права в мировой политике // Сов. гос. и право. 1989. N 7. С. 3 - 11.

¹⁰ См.: *Верещетин В. С., Даниленко Г. М., Мюллерсон Р. А.* Конституционная реформа в СССР и международное право // Сов. гос. и право. 1990. N 5. С. 13 - 22.

¹¹ См.: *Верещетин В. С.* Общее правовое поле современного мира // Советский журнал международного права. 1991. N 3 - 4. С. 3 - 17.

¹² См.: *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion. I.C.J. Reports 1996. P. 226.*

¹³ См.: *Legal Consequences of the Construction of a Wall in the Occupied Palestinian Territory. Advisory Opinion. I.C.J. Reports 2004. P. 136.*

вооруженных действиях на территории Конго ("*Демократическая Республика Конго против Уганды*")¹⁴, а также рассматривал вопросы, относящиеся к войне на территории бывшей Югославии и к бомбардировкам Югославии странами НАТО.

Вклад В. С. Верещетина как судьи в практику и теорию международного права можно оценить через призму его индивидуальных мнений и заявлений, приложенных к решениям Суда. Хорошо известно, что Суд работает как коллегиальный орган, и каждое из его решений является результатом процесса, в который вовлечены все члены Суда¹⁵. Совещания Суда носят закрытый характер, и роль каждого судьи в этом процессе, за исключением результатов голосования, публике неизвестна. Однако не следует игнорировать вклад отдельных судей в выработку коллективного решения. В частности, индивидуальные мнения и заявления судей безусловно имеют существенное значение для понимания позиции Суда¹⁶. Перед тем как перейти к индивидуальным мнениям и заявлениям судьи Верещетина, для того чтобы лучше понять его образ мышления в решении правовых вопросов, интересно привести несколько слов личного характера из речи председателя Суда - судьи Ши, произнесенной во время посещения Международного Суда Президентом РФ В. В. Путиным осенью 2005 г.: "[С] особым удовольствием я хотел бы упомянуть... судью Владлена Верещетина, ...сделавшего столь значительный вклад в коллегиальный процесс принятия решений в Суде. Живость и природная любознательность его интеллекта всегда вносили свежую струю в наши судебные заседания, а его суждения, основанные на глубоком знании российской международно-правовой традиции, представляли собой ценные разъяснения для коллег"¹⁷.

Индивидуальные мнения и заявления, приложенные В. С. Верещетиным к решениям Суда, являются свидетельством этого уникального вклада. Учитывая ограниченные рамки настоящей статьи, только некоторые из его мнений и заявлений или отдельные их части были выбраны для представления.

2.1 Восточный Тимор - вопросы самоопределения

Первым делом В. С. Верещетина в Суде было дело, касающееся Восточного Тимора ("*Португалия против Австралии*"), в котором Португалия в качестве "управляющей власти" обратилась с иском против Австралии в отношении "несамоуправляющейся территории" Восточного Тимора¹⁸. Фактически это было сделано Португалией от имени народа Восточного Тимора. В индивидуальном мнении¹⁹ судья Верещетин согласился с большинством судей в том, что Суд не может осуществить свою юрисдикцию в деле, поскольку в качестве предварительного условия для того, чтобы вынести решение по поводу требований Португалии, он должен будет оценить правомерность поведения Индонезии, тогда как последняя не давала на это согласия. В то же время он привел еще одно основание, Судом не учтенное, которое также представляет собой препятствие для рассмотрения требований Португалии.

В частности, В. С. Верещетин утверждал, что, хотя в соответствии со Статутом Суда только государства могут быть сторонами в судопроизводстве, в ситуации, в которой право народа на самоопределение "находится в сердцевине всего дела", этому народу должна быть

¹⁴ См.: *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda)*. Judgment, I.C.J. Reports 2005. P. 168.

¹⁵ Прекрасное описание внутреннего рабочего процесса Суда можно найти в выступлении бывшего председателя Суда - судьи Беджауи 4 ноября 1996 г. на шестой неформальной встрече юридических советников министерств иностранных дел государств-членов ООН (I.C.J. Yearbook 1996 - 1997. No. 51. P. 234 - 242) и в речи, произнесенной другим бывшим председателем Суда - судьей Ши в Шестом комитете Генеральной ассамблеи ООН в 2005 г. (<http://www.icj-cij.org/icjwww/ipresscom/SPEECHES/ispeech-President-Shi-Sixth-Committee-20051028.htm>).

¹⁶ См.: *Fitzmaurice G. The Law and Procedure of the International Court of Justice*. Cambridge. Vol. I. 1986. P. 1 - 2.

¹⁷ http://www.icj-cij.org/icjwww/ipresscom/SPEECHES/ispeech-President-Shi-President-Putin-20_051102.htm

¹⁸ Восточный Тимор стал независимым государством (Демократическая республика Тимор-Лешти) 20 мая 2002 г.

¹⁹ См.: *East Timor (Portugal v. Australia)*, Judgment, I.C.J. Reports 1995. P. 135 - 138.

предоставлена возможность играть определенную роль в процессе для того, чтобы "желания народа были по меньшей мере установлены и приняты во внимание Судом". Кроме того, нельзя отрицать существование в международном праве и обязанности "управляющей власти" советоваться с народом самоуправляющейся территории, "когда поднятый вопрос напрямую касается данного народа". Таким образом, в контексте дела о *Восточном Тиморе* Суду должны были быть представлены достоверные свидетельства волеизъявления народа Восточного Тимора или же в отсутствие прямых свидетельств Суду могло быть направлено мнение соответствующих органов ООН. Однако такой информации Суд не получил. В результате В. С. Верещетин пришел к выводу, что в дополнение к отсутствию согласия Индонезии существует другое, не менее важное обстоятельство, по которому Суд должен отказаться от осуществления своей юрисдикции в деле, а именно: "отсутствие каких-либо свидетельств мнения народа Восточного Тимора, от чьего имени было сделано заявление о возбуждении дела".

Индивидуальное мнение судьи Верещетина, таким образом, проливает свет на вопрос о приемлемости к рассмотрению заявлений о возбуждении дела в Суде в контексте правила о "необходимой третьей стороне"²⁰, а также на некоторые важные аспекты права на самоопределение и роли негосударственных акторов в судебном разбирательстве в Международном Суде.

2.2 Правомерность угрозы ядерным оружием или его применения - *non liquet* в консультативной процедуре

В июле 1996 г. Международный Суд вынес консультативное заключение по вопросу *о правомерности угрозы ядерным оружием или его применения*²¹, которое многими рассматривается как одно из наиболее важных за всю его историю. В. С. Верещетин голосовал в составе большинства по всем пунктам постановляющей части, включая принципиальный подпункт (2)Е, который вызвал разногласия и был принят при равенстве голосов семь на семь решающим голосом председателя Суда. Как следует из приложенных к консультативному заключению мнений, определенные озабоченности вызвала вторая часть п/п (2)Е. Эта часть выглядит следующим образом: "С учетом нынешнего состояния международного права, а также фактических обстоятельств, известных Суду, он не может прийти к окончательному выводу о том, будут ли угроза ядерным оружием или его применение правомерными или неправомерными в крайних обстоятельствах самообороны, когда само выживание государства было бы поставлено под угрозу"²².

Одним из аргументов судей, голосовавших против п/п (2)Е, было утверждение, что Суд не может объявить *non liquet*, т. е. невозможность вынесения решения по существу дела, в связи недостаточностью данных о фактах или праве. В. С. Верещетин, объясняя причины голосования за п/п (2)Е, в своем заявлении²³ остановился на некоторых важных аспектах *non liquet* в международной судебной практике. Отметив, что имевшие место в прошлом теоретические споры касались "в значительной мере, если не исключительно, допустимости *non liquet* при вынесении решений по спорам между государствами", он напомнил, что доктринальная дискуссия так и осталась незавершенной. Далее он указал, что проблема *non liquet* может быть, однако, рассмотрена самостоятельно в рамках консультативной процедуры, в которой функция Суда существенно отличается от его функции в судопроизводстве по спорам. Тогда как в последнем случае "Суд призван вынести обязательное, окончательное решение, разрешающее спор между сторонами", в первом - Суду в рамках поставленного перед ним вопроса следует лишь "заявить о том, что представляет собой право на данном этапе его развития". На эту особенность

²⁰ В соответствии с этим правилом Суд не может решить спор между государствами, если права и обязательства третьего государства представляют собой предмет решения, которое должно быть вынесено в отсутствие согласия этого третьего государства.

²¹ См.: *Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons, Advisory Opinion*. I.C.J. Reports 1996. P. 226.

²² *Ibid.* P. 266.

²³ *Ibid.* P. 279 - 281.

консультативной процедуры необходимо также взглянуть в связи с хорошо известным постулатом, гласящим, что Суд применяет, а не создает право.

Из этих двух посылок судья Верещетин делает логическое заключение: "В консультативной процедуре, если Суд устанавливает наличие пробела или несовершенности права, он должен просто объявить об этом, не пытаясь заполнить пробел или улучшить право путем судебного законотворчества. Нельзя обвинять Суд в нерешительности или уклонении от ответа там, где право, по поводу которого он должен представить свое мнение, само по себе является незавершенным"²⁴.

Это, однако, оговаривается условием, что объявление Судом *non liquet*, даже если оно возможно в принципе, должно быть оправдано обстоятельствами конкретного дела.

Определив основание для объявления *non liquet* Судом в консультативной процедуре, В. С. Верещетин затем рассмотрел, был ли вышеизложенный подход должным образом применен в реалиях дела о *правомерности угрозы ядерным оружием или его применения*. Он отметил вначале, что из существующих норм международного гуманитарного права Суд вполне мог вывести "путем предположения, логического заключения или аналогии... общее правило, в полном объеме осуждающее и запрещающее угрозу или использование ядерного оружия". Суд, тем не менее, не мог проигнорировать не подлежащий сомнению факт, что, в отличие от других видов оружия массового уничтожения (биологического и химического), не существует специального, воплощенного в международном договоре запрета на использование ядерного оружия. Более того, как стало очевидно из письменных и устных заявлений, представленных во время консультативной процедуры, мнения государств по данному вопросу разошлись "коренным образом". В этой ситуации, если бы Суд "вывел" общее правило полного запрета на использование ядерного оружия, "авторитет и действенность" такого "запрета" были бы по меньшей мере поставлены под вопрос.

Судья Верещетин заключил, что в обстоятельствах дела у Суда не было другого выбора, кроме как добросовестно отобразить состояние международной правовой системы, в которой государства еще не завершили "строительство прочного здания полного запрета использования ядерного оружия". И это задача государств, а не Суда, "завершить процесс такого строительства"²⁵.

В. С. Верещетин дальше развил свои идеи в отношении проблемы *non liquet* в научной статье, опубликованной в 1999 г.²⁶

2.3 Габчиково-Надьямарош - контрмеры

В индивидуальном мнении по делу, касающемуся *проекта Габчиково-Надьямарош (Венгрия / Словакия)*²⁷, судья Верещетин исследовал практические вопросы применения норм, относящихся к контрмерам, в обстоятельствах конкретного дела, рассматриваемого Судом, взяв за отправной пункт материалы Комиссии международного права, которые, по его мнению, "могут рассматриваться как не только кодификация, но и развитие обычных норм в области контрмер".

В деле *Габчиково-Надьямарош* Суд помимо прочего пришел к заключению, что односторонний отвод воды Дуная Чехословакией на ее территории в ответ на приостановление и прекращение Венгрией работ по совместному проекту²⁸ (т. е. так называемый вариант С) "не был законной контрмерой, потому что он не был пропорционален"²⁹. С точки же зрения судьи Верещетина, все основные условия, для того чтобы признать контрмеру правомерной, а именно: (i) наличие ранее совершенного

²⁴ Ibid. P. 280.

²⁵ Ibid. P. 281.

²⁶ См.: *Vereshchetin V. S. Is 'Deceptive Clarity' better than 'Apparent Indecision' in an Advisory Opinion? // In: Liber Amicorum - Judge Mohammed Bedjaoui. Ed. by Emile Yakpo and Tahar Boumedra. The Hague, 1999. P. 531 - 543.*

²⁷ См.: *Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia). Judgment. I.C.J. Reports 1997. P. 219 - 226.*

²⁸ Сооружение и ввод в действие системы плотин Габчиково-Надьямарош на Дунае в соответствии с Будапештским договором от 16 сентября 1977 г.

²⁹ *Gabcikovo-Nagymaros Project (Hungary / Slovakia). Judgment, I.C.J. Reports 1997. P. 56.*

противоправного деяния; (ii) необходимость принятия контрмеры; (iii) пропорциональность этой меры в обстоятельствах дела, - "были выполнены, когда Чехословакия ввела в действие вариант С в октябре 1992 г."

В частности, для того чтобы установить, были ли действия Чехословакии действительно пропорциональными или нет, он соизмерил "значимость принципа *pacta sunt servanda*, нарушенного Венгрией, и конкретные последствия этого нарушения для Чехословакии со значимостью норм, которыми пренебрегла Чехословакия, и конкретными последствиями этого несоблюдения для Венгрии". Признавая, что подобный процесс несет в себе определенную степень субъективности, В. С. Верещетин предложил метод, призванный снизить уровень этой внутренне присущей субъективности с тем, чтобы достичь справедливого и разумного результата. В соответствии с этим методом все последствия как первоначального нарушения, так и контрмеры должны быть соответственно разделены по категориям, чтобы получить сравнимые характеристики для оценки в контексте обстоятельств дела.

Перейдя к рассмотрению материалов дела в соответствии с вышеизложенным методом, судья Верещетин установил, что последствия нарушения Венгрией ее договорных обязательств и последствия применения контрмеры Чехословакией были соизмеримы. Соответственно он не согласился с большинством Суда в отношении того, можно ли квалифицировать действия Чехословакии как законную контрмеру. В. С. Верещетин голосовал против выводов Суда о том, (i) что Чехословакия не имела права приступать к практическому осуществлению варианта С и (ii) что Словакия³⁰ должна возместить Венгрии ущерб, понесенный ею в результате начала осуществления Чехословакией этого "временного решения" и продолжения его реализации Словакией.

2.4 Юрисдикция в отношении рыболовства - предмет спора и оговорки к заявлениям о признании юрисдикции Суда

В 1998 г. в деле, касающемся *юрисдикции в отношении рыболовства ("Испания против Канады")*, Суд установил, что он не обладает юрисдикцией в отношении спора, переданного на его рассмотрение Испанией. Судья Верещетин проголосовал против этого решения и приложил к нему индивидуальное мнение³¹. В своем мнении он исследовал некоторые важные вопросы, относящиеся к юрисдикции Суда: определение Судом предмета спора, а также толкование оговорок к заявлениям о признании юрисдикции Суда.

Что касается предмета спора, то, как отмечено В. С. Верещетиным, в соответствии со ст. 40 (1) Статута первоначальная прерогатива "указать предмет спора" принадлежит заявителю. Хотя Суд и не связан этой первоначальной квалификацией, его свобода усмотрения не может распространяться настолько далеко, чтобы вновь определить предмет спора, "невзирая на условия заявления и другие доводы, представленные заявителем". Далее, он отрицательно ответил на вопрос о том, должен ли спор всегда представлять собой единое целое, включающее как право, так и факты. Ссылаясь на ст. 36 (2)(b) Статута, он заявил, что нет препятствий для разрешения судом спора, относящегося исключительно к вопросам международного права. Наконец, в ситуации, когда спор имеет несколько аспектов, Суд может определить, что он обладает юрисдикцией в отношении "одного из аспектов и не имеет юрисдикции в отношении других".

На основании вышеизложенного анализа, примененного в обстоятельствах дела *о юрисдикции в отношении рыболовства*, судья Верещетин пришел к выводу, что спор между Испанией и Канадой принадлежит к категории именно таких многоаспектных споров. Таким образом, его часть, относящаяся к правомочию прибрежного государства осуществлять юрисдикцию в некоторых районах открытого моря, могла быть выделена особо и рассмотрена Судом.

³⁰ Как правопреемник Чехословакии в отношении Будапештского договора 1977 г. Словакия приняла на себя права и обязательства по проекту Габчиково-Надьямарош.

³¹ См.: Fisheries Jurisdiction (Spain v. Canada), Jurisdiction of the Court, Judgment. I.C.J. Reports 1998. P. 570 - 581.

В. С. Верещетин затем обратился к вопросу об оговорке Канады к ее заявлению о признании юрисдикции Суда. Он начал с общей проблемы юрисдикции Суда и привлек внимание к тому факту, что, хотя согласие сторон необходимо для направления спора в Суд, этот принцип не имеет абсолютного характера. Согласие, конечно же, должно быть дано, однако оно не может быть легко отозвано. Свобода государства в этом отношении ограничена "общими нормами международного права (*pacta sunt servanda*), специальными нормами конкретного договора (т. е. условия статьи договора о разрешении споров), а также Статутом и процедурными правилами Суда". Отсутствие такой абсолютной свободы также проявляется в праве Суда самому определять, обладает ли он юрисдикцией в деле (*compétence de la compétence*). Оценивая заявления о признании юрисдикции и оговорки к ним, Суду необходимо обратить должное внимание на их совместимость с "основными требованиями международного права". Ни при каких обстоятельствах не могут признаваться действительными оговорки, которые совершенно очевидно "противоречат Уставу ООН, Статуту Суда или обязательствам *erga omnes*, как они существуют в международном праве". Еще один вопрос, затронутый В. С. Верещетиным, относится к общим правилам толкования заявлений о признании юрисдикции и оговорок к ним. Обязанность Суда придавать их терминам "естественное и обычное" значение прочно установлена. Но, поскольку Суд решает споры в соответствии с международным правом, "естественное и обычное" значение термина - "это то, которое придается ему в международном праве". Таким образом, в деле о юрисдикции в отношении рыболовства ключевой термин "меры сохранения живых ресурсов и управления ими" должен толковаться Судом в значении, которое ему придается в соответствующих многосторонних соглашениях, а именно: обращая внимание не только на технические требования, но и на соответствие международному праву, в первую очередь Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Что же касается намерения государства, которое сделало оговорку, придать термину специальное значение, то оно не может пониматься как направленное против соблюдения норм международного права. Другими словами, нельзя считать, что, делая оговорку, государство намеревалось вывести себя из-под действия своих обязательств по международному праву.

Все вопросы, поднятые судьей Верещетиным, не могли быть разрешены в рамках процедуры предварительных возражений против юрисдикции. Соответственно, по его мнению, Суд должен был бы признать, что возражение Канады против его юрисдикции не имело исключительно предварительного характера, и продолжить рассмотрение дела по существу.

2.5 Правомерность применения силы - вопросы юрисдикции и роль Суда

Постановлениями от 2 июня 1999 г. в делах, касающихся правомерности применения силы (*Югославия против Бельгии, Канады, Франции, Германии, Италии, Нидерландов, Португалии, Испании, Великобритании и США*), Суд отказался указать временные меры, о которых просила Федеративная Республика Югославия для того, чтобы остановить бомбардировки НАТО ее территории. Суд сослался на то, что у него совершенно определенно не было юрисдикции в делах против Испании и США и, на первый взгляд, не было юрисдикции в других восьми делах.

В. С. Верещетин, голосовавший против этих постановлений Суда, приложил идентичные заявления к постановлениям в делах, возбужденных Югославией против Франции, Германии, Италии, Испании, Великобритании и США³², и индивидуальные мнения, включавшие полный текст заявления, в делах против Бельгии, Канады, Нидерландов и Португалии³³.

В заявлениях судья Верещетин поднял вопрос о роли Суда в современном мире. Юрисдикция Суда имеет согласительный характер, что закреплено в его Статуте. Однако возможно ли для главного судебного органа Организации Объединенных Наций, "весь смысл существования которого заключается в мирном разрешении международных споров",

³² См.: *Legality of Use of Force, Provisional Measures, Orders of 2 June 1999, I.C.J. Reports 1999*. P. 381 - 382, 440 - 441, 500 - 501, 779 - 780, 847 - 848, 931 - 932.

³³ См.: *Ibid.* P. 209 - 215, 320 - 326, 604 - 610, 718 - 724.

отказаться рассматривать представленное ему дело из-за отсутствия юрисдикции в обстоятельствах, когда поставлены под угрозу сами основания международного сообщества? Связаны ли полностью руки Суда в такой ситуации? Судья Верещетин отрицательно отвечает на оба вопроса. Даже если Суд "ввиду ограничений, налагаемых Статутом", не мог указать юридически обязывающие временные меры защиты прав³⁴, он "по своей природе обладает полномочием по меньшей мере немедленно призвать стороны не усугублять и не расширять конфликт и действовать в соответствии с их обязательствами по Уставу ООН". Это полномочие Суда вытекает, по мнению судьи Верещетина, "из его ответственности по обеспечению защиты международного права и из основных принципов публичного порядка". Такие действия были бы совместимы со Статутом и Регламентом Суда и "произвели бы отрезвляющий эффект на стороны, вовлеченные в военный конфликт". Примечательно, что семь лет спустя в другом контексте несколько судей в совместном индивидуальном мнении, рассматривая вопрос о юрисдикции Суда применительно к оговоркам к ст. IX Конвенции о геноциде 1948 г., пришли к схожему заключению, что в современном обществе государства не должны прятаться за ширмой возражений против юрисдикции Суда, когда речь идет об обвинениях в грубых нарушениях международного права³⁵.

2.6 Катар против Бахрейна - решение бывшей "державы-покровительницы" как основа для вывода Суда

В. С. Верещетин голосовал против двух параграфов постановляющей части решения в деле, касающемся *делimitации морских пространств и территориальных вопросов между Катаром и Бахрейном*, и приложил к решению Суда свое заявление³⁶.

Решая вопрос о суверенитете над островами Хавар, Суд полагался исключительно на вынесенное в 1939 г. решение британского правительства, в соответствии с которым острова Хавар принадлежали Бахрейну. Поэтому он посчитал излишним анализировать вопросы первоначального титула, актов проявления суверенитета и применения принципа *uti possidetis juris*³⁷. В противоположность этому В. С. Верещетин утверждал, что Суд не может основывать свое решение исключительно на акте бывшей "державы-покровительницы", не принимая во внимание другие относящиеся к делу факторы. Историческая ситуация и влияние "державы-покровительницы", как считал В. С. Верещетин, "по меньшей мере" не позволяли правителям Катара и Бахрейна "действительно свободно выразить волю и свободно выбрать третью сторону" для разрешения их территориального спора. Судья Верещетин, исследовав решение 1939 г. в свете установленных Институтом международного права и его докладчиком проф. М. Виралли критериев, относящихся к различию между юридическими и неюридическими международными документами, пришел к выводу, что решение Британского правительства в 1939 г. было административным актом, принятым "державой-покровительницей" в отношении ее протекторатов.

Суд, соответственно, не имел права механически презюмировать, что международно-правовые последствия этого решения в 1939 г. остаются такими же в 2001 г. "в совершенно другой правовой и политической обстановке". Судья Верещетин предлагал вновь оценить содержание решения 1939 г. с точки зрения права. В результате этого процесса "Суд мог бы либо подтвердить решение Британского правительства, либо признать его

³⁴ Юридически обязывающая природа временных мер защиты, указываемых Судом, ставившаяся иногда под вопрос, была окончательно подтверждена Судом в деле *Лагранд*: "постановления о временных мерах в соответствии со ст. 41 [Статута] являются обязательными" (*LaGrand (Germany v. United States of America), Judgment, I.C.J. Reports 2001*. P. 506). См. также: *Armed Activities on the Territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda), Judgment, I.C.J. Reports 2005*. P. 263).

³⁵ См.: Joint separate opinion of Judges Higgins, Kooijmans, Elaraby, Owada and Simma in the case concerning *Armed Activities on the Territory of the Congo (New Application: 2002) (Democratic Republic of the Congo v. Rwanda), Judgment, I.C.J. Reports 2006*, P. 25.

³⁶ См.: *Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain (Qatar v. Bahrain), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 2001*. P. 217 - 221.

³⁷ Ibid. P. 85.

недействительным, либо другим образом интерпретировать его результаты". В любом случае такой подход послужил бы более прочным фундаментом для решения Суда, чем "простая ссылка на административное решение бывшей "державы-покровительницы".

2.1 Дело о пересмотре решения ("Югославия против Боснии и Герцеговины") - в каких обстоятельствах решение Суда может быть пересмотрено

Решением от 2 февраля 2003 г. Суд признал неприемлемым заявление Югославии, обратившейся с просьбой о пересмотре решения Суда 1996 г., в соответствии с которым Суд определил, что он имеет юрисдикцию в деле о *Конвенции о геноциде ("Босния и Герцеговина против Югославии")*. Югославия утверждала, что принятие ее в члены ООН в 2000 г. "выявило" новый факт, заключающийся в том, что в 1996 г. она не была членом ООН и государством-участником Конвенции о геноциде. Невзирая на аргументы Югославии, Суд определил, что никаких новых фактов по смыслу ст. 61 Статута не было обнаружено, и отклонил заявление о пересмотре решения 1996 г.

В. С. Верещетин не согласился с решением Суда и приложил к нему индивидуальное мнение³⁸. С его точки зрения, подход Суда к интерпретации ст. 61 Статута был излишне формальным. В дополнение к анализу практики Суда, имеющей отношение к делу, и фактических обстоятельств статуса Югославии до и после 1 ноября 2000 г., когда она была принята в члены ООН, В. С. Верещетин предложил свое видение "нового факта, имеющего решающее значение" для целей ст. 61 Статута. Его позиция заключалась в том, что понятие нового факта не должно быть ограничено только явлениями объективной действительности. Презумпция Суда в отношении существования определенной ситуации в момент принятия решения также может рассматриваться как факт. Более того, выявление неверности этой презумпции должно являться основанием для пересмотра решения. В доказательство Верещетин сослался на дело *Шрека*, в котором арбитр пересмотрел свое решение после того, как он обнаружил, что оно было основано на неправильной презумпции в отношении национальности истца. В более общем виде в своем мнении Верещетин отметил, что в "судебной практике государств можно найти много других примеров пересмотра решений на основании выявления неверных презумпций". По мнению В. С. Верещетина, "естественным толкованием значения термина "факт" будет такое, которое включает статус государства в международной организации".

Рассмотрев заявление Югославии в свете требований ст. 61, судья Верещетин пришел к заключению, что все они были удовлетворены и, соответственно, решение Суда 1996 г. должно было быть подвергнуто процедуре пересмотра. Он подчеркнул, однако, что "такое процедурное решение ни в коей мере не предопределяло бы результатов пересмотра".

2.8 Дело *Авены* - дипломатическая защита и "смешанные" требования

В деле, касающемся *Авены и других мексиканских граждан ("Мексика против США")*, В. С. Верещетин голосовал за принятие постановляющей части, но разошелся с Судом в отношении аргументации по вопросам права дипломатической защиты и правила исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты. Суд, в частности, заявил, что в случае взаимосвязи прав индивидов, основанных на положении договора, и прав государства по этому договору государство от своего имени может просить Суд вынести решение в отношении нарушений, от которых оно пострадало прямо, через нарушение обязательств по договору, и косвенно - через нарушение прав его граждан. В такой ситуации правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты не применяется³⁹.

В индивидуальном мнении⁴⁰ судья Верещетин указал, что этот подход расходится с прежней практикой Суда и не принимает во внимание материалы работы Комиссии международного

³⁸ См.: *Application for Revision of the Judgment of 11 July 1996 in the Case concerning Application of the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Bosnia and Herzegovina v. Yugoslavia)*, Preliminary Objections (*Yugoslavia v. Bosnia and Herzegovina*). *Judgment, I.C.J. Reports 2003*. P. 39 - 50.

³⁹ См.: *Avena and Other Mexican Nationals (Mexico v. United States of America)*, *Judgment, I.C.J. Reports 2004*. P. 36.

⁴⁰ *Ibid.* P. 79 - 83.

права (КМП), которая при составлении проекта статей о дипломатической защите руководствовалась практикой Суда. Он утверждал, что при рассмотрении основанных на договоре "смешанных" требований, в которых государство говорит о нанесенном ему как прямом ущербе, так и косвенном - через нарушение прав его граждан, должен применяться тест "преобладания" требований. Таковыми были позиция камеры Суда в деле "*Элеттроника Сикула*"⁴¹ и позиция, принятая КМП.

В соответствии с мнением судьи Верещетина ситуация в деле *Авены*, в котором Мексика предъявила требования как от своего имени, так и в осуществление дипломатической защиты ее граждан, похожа на дело "*Элеттроника Сикула*": оба элемента требований Мексики основаны на одних и тех же фактических обстоятельствах, а испрашиваемые "средства правовой защиты связаны с ущербом, нанесенным гражданам". Он, далее, отметил, что "требование не было бы представлено Суду, если бы Мексика не имела намерения защитить конкретных граждан". Это было ясным указанием на то, что "смешанные требования Мексики являются преимущественно требованиями дипломатической защиты". Таким образом, для В. С. Верещетина в противоположность выводу Суда взаимозависимость прав, как таковая, не позволяет Суду произвольно выбрать в качестве основания требования прямой ущерб, нанесенный государству, а не дипломатическую защиту. Природа требования и применимость правила исчерпания внутренних средств правовой защиты не могут определяться только исходя из того, основано ли требование на договоре (вовлекая таким образом права государства) или нет. В деле *Авены* прямой ущерб Мексике был следствием нарушения прав ее граждан по ст. 36 (1)(b) Венской конвенции о консульских сношениях. По мнению В. С. Верещетина, "ссылаясь в Суде на права индивидов по Венской конвенции, государство, как общее правило, не освобождается от обязанности исчерпать внутренние средства правовой защиты, за некоторыми исключениями, предусмотренными в ст. 10[14] проекта КМП" (подчеркнуто в оригинале).

Судья Верещетин далее объяснил, почему он, тем не менее, согласился с тем, что правило исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты не применимо в данном деле. Причина заключается в особых обстоятельствах дела *Авены*. В частности, дело *Лаграндов* показало, что широкий спектр внутренних средств защиты в США "имеет тенденцию быть исчерпанным только незадолго до приведения приговора в исполнение". В деле *Авены*, в котором граждане Мексики уже ожидали приведения в исполнение смертного приговора, требование, чтобы Мексика исчерпала все внутригосударственные средства правовой защиты в США перед обращением в Международный Суд, "могло бы привести к абсурдному результату, когда Суд должен был бы вынести решение, уже не имеющее практического эффекта".

* * *

Подход В. С. Верещетина как судьи к международному праву направлен на эффективное разрешение существующих проблем и подготовку концептуальных основ для решения проблем будущих. Суд, безусловно, был обогащен особым стилем судьи Верещетина в рассмотрении дел. В каждом из них он искал теоретически обоснованные ответы, не забывая в то же время предложить сторонам практическое и эффективное средство преодоления разногласий. Эта двуединая цель лежит в основе каждого из его мнений и заявлений, значение которых нередко выходило за пределы рамок конкретного дела. Независимый образ мысли и действий, помогавший ему в коллегиальных обсуждениях, заразительный энтузиазм и личное обаяние навсегда определили особое место судьи Верещетина в истории Международного Суда ООН.

⁴¹ См.: *Elettronica Sricula S.p.A.(ELSI) (United States of America v. Italy). Judgment, I.C.J. Reports 1989. P. 15.*